

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

ПО ПРИХОТИ
КОРОЛЯ

HENRI-FRANÇOIS-
JOSEPH DE RÉGNIER

LE BON
PLAISIR

Roman

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

ПО ПРИХОТИ КОРОЛЯ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Р39

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод *Михаила Кузьмина*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

В оформлении обложки использованы
фрагменты картин *Жана Оноре Фрагонара*
«Качели» (1767) и «Венок возлюбленному» (1771—1773)

ISBN 978-617-12-7907-0 (PDF)
ISBN 978-617-12-7635-2

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Занятно изучать, как отличаются привычки
и образ действия одного человека от другого.

Г-жа де Севинье

I

У маршала де Маниссара было много причин любить войну, из которых главная была — наличие случаев послужить королю и стяжать славу, и не последнюю представляла возможность находиться вдали от г-жи де Маниссар. Дама эта по своему сварливому характеру и воинствующей добродетельности была бичом для г-на маршала, которого она мучила своею придирчивостью и нестерпимой ревностью.

Даже в те времена, когда прелесть лица обеспечивала ей сильное влияние на любого мужчину, столь чувствительного к женской красоте, как ее супруг (будь это красота его же собственной жены), г-же де Маниссар недостаточно было этой уверенности, чтобы избавиться от чувства ревности, острые уколы которой она ощущала помимо воли. С возрастом чувствительность к боли увеличилась. Правда, прирожденная влюбчивость г-на де Маниссара давала основания для ее волнений. Маршал и в шестьдесят лет сохранил молодость и предприимчивость, переходя обычные границы, за пределами которых люди начинают

утрачивать те свойства, присутствие которых он еще доказывал. Жена следила за ним так неусыпно, что возможность ускользнуть от этой бдительности обуславливала радость и торопливость, овладевавшие им всякий раз, как время года и его долг вызывали его к границам. Отлучки эти служили ему некоторой передышкой, и в возмещение воздержания, которого он приучен был придерживаться, в беспорядочной жизни лагеря и в помещениях, предназначенных для легких связей, он находил наслаждения, к которым считал себя так же способным, как и всякий другой человек.

Конечно, жалобы, подозрения и обиды со стороны супруги сопровождали его на Рейн или Эско, но были они в форме писем, которые он рассеянно читал спустя долгое время по получении, с очень независимым видом, который исчезал по мере приближения срока возвращения.

Возвращения он опасался из-за г-жи Маниссар. При свидании с нею следовало выказывать такое нетерпение, что маршал скорее мог его имитировать, чем испытывать на самом деле. Не бывало недостатка и в упреках за это по его адресу. Г-н де Маниссар держался смиренно и покорно, ссылаясь на походную усталость.

Г-жу де Маниссар трудно было провести такими отговорками: она хмурила брови и кусала губы. Она знала, что даже во время похода муж ее ни в чем себе не отказывал, несмотря ни на что, и крайне заботливо относился к своему здоровью.

Супружеские выпады бывали энергичны. Г-н де Маниссар обычно прекращал их тем, что укладывался в постель, начиная стонать и ругаться, и посылал за докторами. Они, как черные мухи, жужжали у его изголовья. Совещались на площадке лестницы, размахивая руками. Аптекари медленно поднимались по ступенькам. В руках у них были склянки и докторские сумки с инструментами, под мышкой поблескивали оловянные клистиры.

Тогда на г-жу де Маниссар напал страх, и она принималась ставить свечки. Маршал заводил речь о завещании и отходной. Толстое лицо его опровергало мрачные разговоры. Цвет его лица делался все более цветущим по мере того, как усиливались его перемиады. Малютка Виктория приходила прощаться с папой. Г-н де Берлестанж, наставник ее брата, шевалье де Фрулена, приводил мальчика в спальню. Чтобы получить родительское благословение, они опускались на колени, а маршал в своей кровати, закутавшись в одеяла, мягко ласкавшие его тело, смотрел на все это своими большими глазами насмешливо и плутовато.

Сцены эти повторялись ежегодно. И ежегодно г-жа де Маниссар изъявляла желание, чтобы муж подал в отставку. Сначала он соглашался на эту комедию, потом кончал тем, что, сославшись на волю короля и приказ министра, снова весело отправлялся на Эско или Рейн.

Вероятно, поход 1676 года был особенно утомителен, так как маршал вернулся, поджав хвост.

Правда, во время всей кампании г-н де Маниссар возил за собою в обозе очень красивую девицу, не оставлявшую его, которую он привез затем в Париж. Г-же де Маниссар была известна вся эта история, и гнев ее был непередаваем: она заставила прогнать интриганку, но не простила самой интриги, так что когда на следующую весну в марте месяце маршалу пришло время отправляться по назначению на Мёзу, она категорически объявила, что отпустит его только при условии, что с ним отправится г-н де Берлестанж, человек верный и рассудительный, который будет следить за его поведением и присылать ей отчеты.

Маршалу пришлось подчиниться и согласиться на подобную опеку. Этот г-н де Берлестанж, высокий, сухой и черный, был давнишним домохозяином семейства Маниссаров. Войдя к ним в качестве ободранного поэта, из прихлебателя он сделался наставником, когда шевалье де Фрулен достиг таких лет, что ему можно было уже преподавать гербоведение и мифологию. Берлестанж был знаком с обоими предметами, так как, по его уверению, был хорошего происхождения и занимался служением музам. Шевалье от этого необыкновенного учителя получил полезные и диковинные сведения. Он мог объяснить значение всех изображений на поле герба и умел различить по атрибутам все морские божества, к которым г-н де Берлестанж имел особенное пристрастие.

Эти уроки скоро натолкнули шевалье на мысль поступить во флот. Тогда он принялся изучать количество и внешний вид королевских кораблей и решать вопрос, похожи ли они на перевозочные суда или барки, ходившие вверх по Сене. Сначала все смеялись над его намерением, на котором он, однако, упрямо настаивал. Когда он вырос и достиг необходимого возраста, он объявил, что ничто не сможет заставить его изменить свое решение. Будучи к своим детям воплощенной слабостью, так что позволил бы дочке Виктории изрезать на кукольное приданое свою орденскую ленту, маршал был не в состоянии успешно противостоять желаниям сына. Итак, шевалье добился того, что отправился завязать знакомство с сиренами, nereидами и дельфинами. Он рассчитывал иметь дело именно с этими мифологическими существами, когда отправился в Тулон, чтобы сесть на королевские галеры. Гребцы и состав команды его несколько удивили, но он успокоился, увидев на корме резных из дерева и позолоченных четырех тритонов, поддерживавших фонари; они трубили в кривые раковины и казались ему хорошим предзнаменованием. С отъездом шевалье г-н де Берлестанж остался без занятий, пока г-жа Маниссар не поручила ему сопровождать маршала в полк. Берлестанж сначала поморщился, когда ему об этом объявили, но ему не оставалось ничего, как повиноваться, и, таким образом, 2 марта 1677 года он отправился

в местность на Мёзе в собственной карете г-на де Маниссара, от которого, согласно приказу, он не должен был ни на шаг отходить и не терять его из виду. Вот в каких выражениях говорил г-н де Берлестанж о своем путешествии в первом письме к маршальше:

«Если я, сударыня, замешкался с письмом к вам, то это потому, что до сей поры ни одно событие не заслуживало того, чтобы извещать вас о нем, согласно вашему приказу, не опускать ничего, стоящего сообщения. Я ничего не имею к докладу относительно г-на маршала. Экипаж пришелся совсем по нем, так что он большую часть времени храпит, что не мешает ему и ночью спать без просыпу. Таким образом, состояние здоровья и расположение духа его не оставляют желать ничего лучшего, несмотря на небольшое беспокойство, причиненное нам при приближении к городку под названием Фай местными жителями.

Незадолго до прибытия господин почувствовал себя нехорошо от тяжести в желудке, без сомнения от того, что утром покушал много воловану. Не успели мы высадиться, как стали отыскивать докторов; нам указали на двоих. Пока они явились, г-н маршал освободился через верхнее и нижнее отверстия от скопления газов, которое его отягочало, так что он был в шутовском расположении духа. Он уже потерял к этим ученым мужам уважение, которое внушается нам по отношению к ним чувством зависимости от их деятельности.

Наружный вид данных личностей способствовал усилению веселости г-на маршала. Это были персонажи из другого мира, вполне подходящие для того, чтобы отправлять людей в «лучший мир». Тем не менее маршал с притворною серьезностью начал спрашивать у них советов. Диагнозы их не совпадали один с другим, а лекарства, прописанные ими, так противоречили между собою, что больной учтиво высказал свое намерение принимать и то и другое снадобье, после чего отпустил их. Они удалились, бросая друг на друга разъяренные взгляды, но лучше всего было то, что каждый из них потихоньку вернулся с доносом на полное невежество своего собрата. К довершению несчастья они оба встретились в передней, и поднялась перепалка, на которую г-н маршал мог смотреть из своей комнаты. Соперники осыпали друг друга самыми учеными ругательствами, платье их раздувалось, колпаки съехали на затылок, кулаки выставлены вперед. Г-н маршал достаточно уже развлекся их первым разногласием, но их стычка и ее чрезмерная смехотворность позабыла его до чрезвычайности. Он до сих пор рассказывает об этом и присовокупил этот анекдот ко множеству других в таком же роде, количество которых будет увеличиваться при его привычке лечиться от несуществующих болезней.

До Груа мы добрались только 7-го. Там мы застали отряд маниссарова полка, который поджидал нас, чтобы служить нам конвоем, и двинулся

следом за каретой. Командование принадлежало г-ну де Корвилю, офицеру с большими заслугами. Таким порядком мы продолжали наш путь в течение следующих дней, пока во вторник не оказались приблизительно в четырех верстах от Виркура на Мёзе, где должны были заночевать. Было около четырех часов дня; мы маялись на песчаной дороге, лошади с трудом тянулись, дул довольно резкий ветер, раскачивая верхушки высокого дрока, росшего по канаве.

Как раз в эту минуту слева раздался выстрел и с дребезгом разбилось окно в карете. Над полем вился дымок. В одно мгновение г-н де Корвиль и четыре или пять кавалеристов пустили лошадей в галоп, перескочив канаву. Они почти сейчас же вернулись обратно. Г-н де Корвиль держал вытянутой рукой за штаны неосторожного охотника, стрелявшего так близко от дороги, и поставил его на землю в трех шагах от нас. Это был малый лет пятнадцати, довольно безобразный, рыжий, который, по-моему, нисколько не раскаивался в своем поступке и не был удивлен видом кареты и лицезрением г-на маршала, перед которым он стоял с ружьем в руке и со шляпой на голове, даже не подумав снять ее.

У него был такой потешный и необыкновенный вид, что г-н маршал не мог удержаться от смеха. Смех этот привел в ярость молодого человека, он бросился, подняв приклад, к карете. Он был на подножке, но г-н де Корвиль оттащил его назад.